

ОБЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

(РАЗБОРЪ СТАТЬИ, НАПЕЧАТАНИЙ ВЪ «СЫНѢ ОТЕЧЕСТВА», ВЪ ЯНВАРЬ 1835 ГОДА.)

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати «Исторіи Пугачевскаго Бунта» явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ этой книги. Я почель за долгъ прочитать его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ указалъ мнѣ на *одну* ошибку и на *три* важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ человѣка, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъявленіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ болѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностію и благосклонностію.

Недавно въ «Съверной Пчелѣ» сказано было, что сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, авторомъ «Исторіи Донского Войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную въ моемъ журнale, тѣмъ болѣе что «Исторія Пугачевскаго Бунта», не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъявляя сожалѣніе о томъ, что «Исторія Пугачевскаго Бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенної кистью Байрона и проч., признаетъ, что эта книга «есть драгоценный матеріаъ, и что будущему историку, и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно будетъ исправить *иъкоторые поэтические вымыслы, незнагающіе недосмотры*, и дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блестательную.» За симъ г. Броневскій отмѣщаетъ сіи поэтические вымыслы и недосмотры «не въ судъ и осужденіе автору, а единственно для пользы науки, для его и общей пользы.» Будемъ слѣдоватъ за каждымъ шагомъ нашего рецзента.

Критика г. Броневскаго.

«На сей - то рѣкѣ (Яикѣ), говорить г. Пушкинъ, «въ XV столѣтіи явились Донскіе Казаки.»

Выписанное въ подтверждение сего факта изъ Исторіи Уральскихъ Казаковъ г. Левшина (см. Прим. 1. 3—8 стр.) должноствовало бы убѣдить автора что Донскіе Казаки пришли на Яикъ въ XVI, а не въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объяснение.

Есть разница между *появлениемъ* Казаковъ на Яикѣ и *поселенiemъ* ихъ на сей рѣкѣ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ упоминается о Казакахъ не прежде какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чёмъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о Татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но Татаре существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что Казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно отнести и существованіе полу - баснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ: какъ могла она (Гугниха) помнить происшествія, которыя были *поти* за сто лѣть до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ Императрицы Анны Ioановны, — по преданію.

Критика г. Броневскаго.

Вся первая глава, служащая введеніемъ къ «Ист. Пуг. Бун.», какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ (26 стр. мелкой печати), которое составляетъ почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги купить не льзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ быть ограниченъ себѣ однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объяснение.

Полное понятіе о внутреннемъ управлениі Яицкіхъ Казаковъ, обь образъ жизни ихъ и проч. необходимо для совершенного объясненія Пугачевскаго бунта; и потому необходимо и *огромное* (т. е. пространное) примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видѣлъ никакой нужды пересказывать по своему то, что было уже сказано какъ нельзя лучше г-мъ Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще и доставилъ мнѣ свою книжку, сдѣлавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г. Броневского.

«Извѣстно, говоритъ авторъ, что въ царствованіе «Анны Ioannovны Игнатій Некрасовъ успѣль увлечь «за собою множество Донскихъ Козаковъ въ Тур- «цю.» *Стр. 16.*

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань, въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію д. Войска, Исторію Петра Великаго Берхмана, и другія.

Объяснение.

Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы при Императрицѣ Аннѣ Ioannovнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на Турецкіе бе-

рега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія Некрасовцевъ. Въ Исторіи Петра 1-го въ послѣдній разъ обѣ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены *покровительству Крымскаго хана* (къ великой досадѣ Петра 1-го, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя.) Положившись на показанія рукописнаго Историческаго Словаря, составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о Святыхъ и Угодникахъ», я повѣрилъ, что Некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ Графа Миниха, въ то время, какъ Запорожцы признали снова владычество Русскихъ Государей *. Но это показаніе несправедливо: Некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ «Исторіи Донскаго Войска») и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя, успѣшия изслѣдованія.

Критика г. Броневскаго.

«Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Силинъ. Послано повелѣніе въ «Черкасскъ сжечь домъ Пугачева... Государыня не согласилась по просьбѣ начальства перенестъ станцу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное; она согласилась только переименовать Зимовейскую «Станицу Потемкинскую.» Стр. 74.

* Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и прѣѣжалъ изъ Бендеръ уговаривать старинныхъ своихъ товарищѣй.

Въ 1772 году войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходованныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость; вместо него пожалованъ изъ старшинъ въ казные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ не былъ Донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ Донской Исторіи не видно, чтобы правительство приказало сжечь домъ Пугачева; а видно только, что, по прошешію Донского начальства, Зимовѣйская Станница перенесена на выгоднѣйшее мѣсто и названа Потемкинскою. См. «Исторію д. Войска» стр. 88 и 124 части I.

Объяснение.

Въ 1773 и 74 году войсковымъ атаманомъ Донского войска былъ Семенъ Сулинъ (а не Силинъ). Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У меня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ на имя войскового атамана Семена Сулина и столько же докладовъ отъ войскового атамана Семена Сулина. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ нынѣшнемъ 1836 году, напечатано нѣсколько донесеній отъ полковника Платова къ войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистріи въ 1773 году. Правда, что въ «Исторіи Донского Войска» (сочиненіи моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулинѣ. Это пропускъ важный, и къ сожалѣнію, не единственный въ его книгѣ.

Г. Броневскій также несправедливо оспориваетъ мое показаніе, что послано было изъ Петербурга повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, ссылаясь

бпять на свою «Исторію Донского Войска», гдѣ о семъ обстоятельствѣ опять не упомянуто. Указъ о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года Января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 Января). Вотъ собственныя слова указа:

«Дворъ Ем. Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоять онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣть Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта Крѣпости Св. Димитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ сжечь, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепель развеять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствомъ на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими пре-восшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзотио навѣки, а особливо для Донского общества, яко оскорблennаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени, — хотя отнюдь такимъ бого-мерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донского, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ.»

Я имѣль въ рукахъ и донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа (иначе и быть не могло). Въ семъ - то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей

Зимовѣйской Станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, хотя бы и менѣе удобное. Отвѣта я не нашель; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская Станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовѣйская. Изъ сего я вывелъ заключеніе, что Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовѣйскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневского.

Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ; явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польшѣ, должно предпочтеть показанію станичного атамана Трофима Фомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дома въ разное время, кормился милостиною!! и въ 1771 былъ на Кумѣ. — Но Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію известно, что Пугачевъ до Семилѣтней Войны промышлялъ по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой Турецкой войны скрывался между Польскими и Глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мир-

иное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской Земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объяснение.

Показанія мои извлечены изъ офиціальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чём онъ состоять. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Фомина и наконецъ самого самозванца, въ концѣ (а не въ началѣ) 1772 года приведеннаго въ Малыковскую Канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ, по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ уѣхать, и тайно возвратясь домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здесь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показалъ, что весь 1772 годъ скитался онъ за Польской границею и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею (о чёмъ Фоминъ не упоминаетъ ни слова). Г. Броневскій, выписывая сіе послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово *милостыня* и ставить нѣсколько знаковъ удивленія (! !); но что жъ удивительного въ томъ, что нищій бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда сличить мои показанія съ документами, приложенными къ «Исторіи Пугачевского Бунта», кажется, не читаль и манифеста о преступленіяхъ *Казака Пугачева*, въ которомъ имено сказано, что онъ хор-

мился отъ подаянія (См. манифестъ отъ 19 Декабря 1774 года, въ «Приложениі къ Исторіи Пугачевскаго Бунта»).

Г. Броневскій, опровергая свидѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Фомина и офиціально обнародованное извѣстіе, пишетъ, что *Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумъ достать не могъ.* Пугачевъ въ началѣ 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ конецъ того же года не съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, но съ Русскимъ, данныемъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянского Форпоста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, *по обыкновению предковъ (!), промышляя разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чёмъ не основано, и опровергнуто официальными, достовѣрнѣйшими документами.* Пугачевъ былъ *подозреваемъ въ воровствѣ* (см. показаніе Фомина); но до самаго возмущенія Яицкаго Войска *ни въ какихъ разбояхъ не бывалъ.*

Г. Броневскій, оспоривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣль, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помещенные имъ въ «Исторіи Донского Войска». Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева *гревытайной живостию, и съ неустрашимыемъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную и твердость душевную;* но что, *къ неестественному, ему не доставало самой лучшей и нужнейшей*

прикрасы — добродѣтели ; что отецъ его бывъ убитъ въ 1758 ; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ, гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ дерзостю и самонадѣяніемъ вызывалъ дѣтей равныхъ съ ними лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ ихъ всегда ; что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ онъ предводителя противной стороны ; что по пятнадцатому году онъ уже не терпѣлъ никакой власти ; что на двадцатомъ году ему стало тѣсно и душно на родной землѣ ; что честолюбіе мучило его ; что въ слѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на коня и пустился искать приключеній въ чистое поле ; что онъ поѣхалъ на Востокъ, достигнулъ Волги и увидѣлъ большую дорогу ; что встрѣтивъ четырехъ удальцевъ, началъ онъ съ ними грабить и разбойничать ; что, вѣроятно, онъ занимался разбоями только во время мира, а во время войны служилъ въ казачьихъ полкахъ ; что Генераль Тотлебенъ, во время Пруссской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, сказалъ окружавшимъ его чиновникамъ : «*глыбъ* болѣе смотрю на сего Казака, тѣль болѣе поражаюсь сходствомъ его съ *Великимъ Княземъ*.» и проч. и проч. (См. «Исторію Донского Войска» Ч. II. Гл. XI.) Все это ни на чёмъ не основано, и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго Нѣмецкаго романа «Ложный Петръ III», незаслуживающаго никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій меня въ какихъ-то поэтическихъ вымыслахъ, самъ поступиль неосмотрительно, повторивъ въ своей «Исторіи» вымыслы столь нелѣпые.

Критика г. Броневского.

«Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощеніе, задержалъ Пугачева и Хлопушу, и послалъ къ Оренбургскому губернатору сотника Логинова съ предложениемъ о выдачѣ самозванца». Но въ поставленномъ тутъ же подъ № 12 примѣчаніи авторъ говоритъ, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: ибо Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ подъ Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ текстъ и не должно было его ставить; если же Шигаевъ только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ думалъ предать Пугачева, то это обстоятельство не мѣшало продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевымъ: ибо бѣда еще не наступила. Историку, конечно, показалось труднымъ сличать противорѣчащія показанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это его облизанность, а не читателей,

Объяснение.

Выписываю точныя слова текста и примѣчаніе на оный:

«Послѣ сраженія подъ Татищевой, Пугачевъ съ 60 Казаками пробился сквозь непріятельское войско, и прискакалъ самъ-пять въ Бердскую Слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пѣши. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь

пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послать отъ себя къ Оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

«*Примѣганіе.* Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ действовали за одинаково времени послѣ бѣгства ихъ изъ - подъ Оренбурга.»

Шигаевъ, человѣкъ лукавый и смысленый, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ задержать нехитраго самозванца; но не думаю, чтобы онъ его связалъ: Пугачевъ этого ему бы не простили.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ Чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены *Казаками* и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу.» Въ примѣчаніи же 16-мъ (ст. 51), принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: «По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ Мѣдноплавильномъ Заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикащиковой женѣ, подавшей совсѣмъ напоить бѣглецовъ.

Мѣсто дѣйствія находилось въ окрестностяхъ Уфы; а посему приказчикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объяснение.

Еслибы г. Броневскій потрудился взглянуть на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ Табинскъ (а не въ Тобольскъ, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ Тибинскъ, который не существуетъ).

Критика г. Броневскаго.

«Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной. Стр. 100.

Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человѣкъ. Тутъ что нибудь да не такъ.

Объяснение.

Очевидная опечатка: вместо *четыре фунта*, должно читать *четверть фунта*, что и составить около *десятой части* мѣры обыкновенной, т. е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью «Объ осадѣ Яицкой Крѣпости», откуда заимствовано сіе показа-

ніе. Воть собственныя слова неизвѣстнаго повѣстводителя: «Солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи.»

Критика г. Броневскаго.

Въ примѣчаніи 18, стр. 52, сказано, что оборона Лицкой Крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и по журналу коменданта полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать вполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего ненапечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ также вполнѣ, какъ Рычкова—объ осадѣ Оренбурга, и архимандрита Платона—о сожженіи Казани.

Объяснение.

Я не могъ помѣстить всѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 129. «Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Июля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея. — Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани, услышалъ пушечную пальбу! . . . » Маленький недосмотръ!

Объяснение.

Важный недосмотръ: вмѣсто *въ 15 верстахъ*, должно читать *въ пятидесяти*.

Критика г. Броневскаго.

Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 Августа на разсвѣтѣ, онъ настигнуль Пугачева въ *ста пяти* верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ послѣдній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу *выше* Черноярска.[»]
Стр. 155 — 156.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ *ниже* Царицына; а какъ между симъ городомъ и Чернояромъ считается только 155 верстъ, то изъ сего выходитъ, что онъ переправился чрезъ Волгу *ниже* Чернояра въ 20 верстахъ.—По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ послѣдній ударъ подъ самыи Царицыны, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Чернояру, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то есть, верстахъ въ десяти ниже Саренты.

Объяснение.

Выписываютъ точные слова текста:

« Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ *ночью* обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя; но не смущаясь,

тился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ Казаковъ, стоящихъ по обоимъ крымамъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ пленъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска, на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью Казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, неуспѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь, и перетонули.»

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обстоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, который *покудо обошелъ* Пугачева, и слѣдственно разбивъ его, погналъ не *въ низъ*, а *вверхъ* по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпость моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель (ибо г. Броневскій писалъ военные книги) могъ сдѣлать столь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное само по себѣ!

Критика г. Броневскаго.

Къ VI главѣ бѣ примѣчанія не достаетъ. См. 123 и 55 стр.

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже го-
родовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняетъ
читателя.

Объясненіе.

Цыфръ, означающій ссылку на замѣчаніе, есть
опечатка.

Карта далеко неполна; но оная была необходима,
и я не имѣлъ возможности составить другую,
болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣдую-
щими словами: «Сіи немногіе недостатки ни мало
не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, и
если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга,
по содержанію своему, всегда останется достойною
вниманія публики.»

Еслибы всѣ замѣчанія моего критика были спра-
ведливы, то врядъ ли книга моя была бы достойна
вниманія публики, которая въ правѣ требовать
отъ историка, если не таланта, то добросовѣстно-
сти въ трудахъ и осмотрительности въ показаніяхъ.
Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, на-
дѣюсь, читатели согласятся, что *Тоболскъ* вмѣсто
Табинскъ; *въ пятнадцати верстахъ* вмѣсто *въ пяти-*
десяти верстахъ, и *наконецъ четыре фунта* вмѣсто

четверти фунта болѣе походять на опечатки, нежели слѣдующія errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: *Митрополитъ*—читай: *простой священникъ, духовникъ царскій*; *зала въ тридцать саженей вышины*,—читай: *зала въ пятнадцать аришинъ вышины*; *Петръ I изъ Вльны отправился въ Венецию*,—читай: *Петръ I изъ Вльны поспѣшно возвратился въ Москву*.

Решезенту, на скоро набрасывающему бѣглый замѣчанія на книгу бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему, два года на составленіе ста шестидесяти осьми страницъ, таковое небреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ быть поступать тѣмъ съ большею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій (предметъ для меня совершенно новомъ) не имѣть я тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаний Казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ, и тому подобнаго,—показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній, и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя события эпохи мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющу память историческою критикою.

Сказано было, что «Исторія Пугачевскаго Бунта» не открыла ничего нового, неизвестнаго. Но вся

эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никемъ не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на «Приложенія къ Исторіи Пугачевскаго Бунта», составляющія весь второй томъ всякой легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ. Стоитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ Ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостію и добросовѣстностію — достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въправѣ ожидать отъ публики благосклоннаго приема, конечно, не за самую «Исторію Пугачевскаго Бунта», но за историческія сокровища, къ ней приложенные. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневскаго. Вотъ доказательство, какое вліяніе имѣть у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ историку.

Въ своей «Исторіи Донского Войска» онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ «Ложный Петръ III», «Жизнь А. И. Бибикова», и наконецъ

преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоцѣнны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой повѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на *нѣкоторые вымысли* (къ со-
жалѣнію, непоэтическіе), на *нѣкоторые недосмотры*
и явныя несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскій пишетъ: «Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сіи, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго впечатлѣнія, но въ послѣдствіи могли подать ему мысль называть-
ся Императоромъ.» А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ принялъ предложеніе Яицкаго Казака Ивана Чики, болѣе его дерзновенна-
го, называться Петромъ III. — Противорѣчіе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историку не слѣдовало о немъ и упоминать, и того менѣе выводить изъ него какокое бы то ни было

заключеніе. Государь Петръ III былъ дороденъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза: самозванецъ былъ смуглъ, сухощавъ, малоросль; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ Государемъ.

Страница 98. «12 Генваря 1773, раскольники (въ Яицкомъ Городкѣ) взбунтовались и убили какъ генерала (Траубенберга), такъ и своего атамана.»

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач. Бунта, и пр.

Стран. 102. «Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденіе Оренбурга, и 29 Апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; Губернаторъ не подалъ ему никакой помощи» и проч.

Не 29 Апрѣля 1774, а 13 Ноября 1773; въ Апрѣль 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ Горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскій, описавъ прибытіе Бибикова въ Казань, пишетъ, что въ то время (въ Январѣ 1774) самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.

Самозванецъ въ Январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ, и разъѣзжалъ по окрестностямъ онаго. Въ Самарѣ онъ никогда не бывалъ, а Пензу взялъ уже послѣ сожженія Казани, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первыя дѣйствія генерала Бибикова и медленное движение войскъ, идущихъ на пораженіе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскій пишеть: «Пугачевъ, умѣя грабить и разграблять, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положеніемъ. Повѣривъ распущенными нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенія на него иѣсколько гусарскихъ полковъ съ Донскими Казаками, онъ долгоостоялъ на мѣстѣ, потомъ обратилъся къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападеніемъ мѣстѣ.»

Показаніе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ низовью Волги.

Г. Броневскій пишеть: «Новый главноначальствующій, Графъ Панинъ, не нашелъ на мѣстѣ (на какомъ мѣстѣ?) всѣхъ нужныхъ средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенія онаго за Волгою.»

Графъ П. И. Панинъ назначенъ главноначальствующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго-Новагорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о иѣсколькихъ незначащихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ.

Г. Броневский не говоритъ ничего о генералъ-майорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и рѣшительную роль въ ту нещастную эпоху. Не сказывается, кто быль назначенъ главноначальствующимъ по смерти А. И. Бибикова. Дѣйствія Михельсона въ Уральскихъ Горахъ, его быстрое, неутомимое преслѣдованіе мятежниковъ оставлены безъ вниманія. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго Городка описана въ трехъ слѣдующихъ строкахъ: « Онъ (Мансуровъ) освободилъ Яицкій Городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти: ибо они уже употребляли въ пищу землю.»

Политическія и правоучительныя размышенія *, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и пошли, и не вознаграждаются читателей за недостатокъ фактovъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

* Напримѣръ: «Нравственный міръ, также какъ и физический, имѣть свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла: то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, въ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благаго начала, той духовной части, которая разумное твореніе отъ безсмысличнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убийцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостию вырвалъ бы страницу сюю изъ труда моего.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи мнѣ знакомой—непрости-тельную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. «Тяжкая болѣзнь» — говорить онъ въ началѣ «Исторіи Донскаго Войска»—«при-нудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ лечения Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но, по совѣту медиковъ, я рѣшился взять другой курсъ. Ёхать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ слишкомъ холодно и скучно; и такъ 15 Сен-тября 1831 года отправился я въ Новочеркасскъ, где родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осьмимѣсячное мое пребываніе въ го-родѣ Донскаго войска доставило мнѣ случай позна-комиться со многими почтѣнными особами Донска-го края» и проч. «Въ послѣдствіи увѣрившись, что въ словесности нашей не достаетъ исторіи Донскаго войска, имѣлъ досугъ и добрую волю, я рѣшился по-полнить этотъ недостатокъ» и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивить-ся, увида вмѣсто статистическихъ и хронологичес-кихъ изслѣдований о Казакахъ, подробный отчетъ о лечениіи автора; но кто не знаетъ, что для большаго человѣка здоровье его не въ примѣръ за-

нимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ историческихъ изысканій и предположеній! Изъ добродушныхъ показаній г. Броневскаго видно, что онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ только невиннаго развлечения. Это лучшее оправданіе недостаткамъ его книги.

А. П